

Черная вдова 2

ИННА ТРОНИНА

Красный понедельник

Прошло восемь лет. На дворе 2001 год. Давно убиты заказчики нападения на Андрея Ходза и его сына. По сведениям совершившей возмездие Дарьи, непосредственный исполнитель тоже мертв.

Но совершенно неожиданно дочь Андрея Эрика узнает, что отец ее друга и одноклассника Влада Шibaева, торговец минеральной водой, и есть тот самый убийца. Он инсценировал свою гибель на пожаре и сменил имя. Боясь, что прошлое выльвет наружу, Роман Шibaев категорически запрещает сыну общаться с любимой девушкой.

Эрика решает действовать самостоятельно, ничего не рассказывая матери. Она бросает в лицо Владу страшную правду. На самом деле его отца зовут Валентин Вашедский, и он — наемник, отнявший у Эрики папу и братишку...

Инна Тронина

КРАСНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

ПРОЛОГ

Нежные звуки китайских напевов сливались с чириканьем канарейки в клетке, подвешенной к потолку. Ни столов, ни стульев, ни диванов, ни кресел не было в большой, с высоким потолком, комнате. Только пуфики, половички и циновки, а также салфетки с нарисованными иероглифами. На салфетках дымились фарфоровые чашечки с жасминовым чаем.

В ожидании «горячего» публика не теряла времени даром. Гости, хихикая, учились правильно есть палочками, потому что среди них не было ни одного китайца. «Продвинутая» московская молодёжь отмечала день рождения друга модной церемонией, к которой готовилась давно, тщательно, увлечённо.

Серый ненастный день остался за дверями, за зашторенными окнами. Находясь среди вееров, шелков, «колокольчиков счастья», нельзя было не проникнуться духом вечности и мудрости. На кухне ещё готовили карпа по-харбински; по коридору несли на подносе прозрачный бульон с фрикадельками. А тусовка, разгорячённая рисовой

водкой, разморенная сладкими винами, вовсю «прикалывалась», усиленно изображая из себя настоящих китайцев.

В комнате курились ароматические палочки, позвякивали колокольчики, порхали разноцветные веера жеманных девочек. На один вечер юные бонвиваны сняли костюмы модных цветов, выпорхнули из эксклюзивных «двоек» и «троек» их длинноногие подружки. Все облачились в шёлковые халаты и попытались внушить себе, что очень любят орехи со шпинатом и жареные огурцы.

Сегодня был понедельник, «красный понедельник», как называл его виновник торжества, справлявший своё двадцатилетие. Будущий дипломат, знающий толк в экзотических развлечениях, он постарался сделать так, чтобы гости навсегда запомнили этот праздник. Он не поленился и заранее обзвонил всех друзей, приятелей и просто знакомых.

Публика на «китайской вечеринке» была разная — и постарше, и помоложе именинника. В самый последний момент прибыл из Калифорнии бывший москвич Влад Шibaев. Удалось вытащить на торжество и шестнадцатилетнюю мисс Эрику Ходза, которая ненадолго прилетела из Лондона к больной бабушке. Уже завтра она намеревалась отбыть обратно в сопровождении улыбчивого седовласого англичанина — то ли телохранителя,

то ли компаньона её матери.

Но Эрика тайком шепнула хозяину вечеринки, что англичанин этот — секьюрити, отличный специалист, бывший сотрудник «МИ-5», и поэтому обольщаться на его счёт не следует. Профессионал своё дело знает, и поэтому миссис Ходза позволила своей единственной дочке вместе с ним ненадолго посетить столицу России.

Раскрашенный под китайца Влад Шибаяев, придерживая на раскрытой ладони чашку зелёного чая, подошёл к худенькой девушке, одетой в халат с шёлковым красным поясом. Волосы девушка уложила в традиционную причёску со шпильками, выбелила щёки и покрыла губы ярко-алой помадой. С палочками она управлялась лучше других — часто посещала китайские рестораны по всему миру. Сейчас девушка вытирала тёплым влажным полотенцем тонкие пальцы, испачканные в ореховом масле. Веер девушки лежал на циновке, рядом с бокалом сливового вина.

— Привет!

Голос Влада дрогнул и внезапно сел. Парень чудом не расплескал чай и, досадуя на себя, опустил на корточки.

— Привет.

Девушка смотрела на него грустно, даже жалобно. В её темно-карих, огромных, совсем не китайских глазах отражались фонарики.

— Ты узнаёшь меня, Эрика?

Влад ожидал испуга, гнева, радости, но только не этой тихой, равнодушной печали.

— Ты совсем не изменился, — ровным голосом сказала Эрика.

— И ты тоже. Всё такая же девочка-ромашка. Как здоровье бабушки?

— Ничего. Ей уже лучше. У неё оказался не инсульт, а просто цереброспазм. Мама в Лондоне места себе не находила. Очень хотела быть с бабушкой, но не могла. Ей нельзя приезжать в Россию. С огромным трудом я упростила её позволить мне проведать бабушку. Мама наняла «крутого» охранника, потому что Вадиму Самойлову, начальнику службы безопасности Ходза, въезд в Россию тоже запрещён. Мама не любит рисковать понапрасну, несмотря на то, что страшно скучает по своей родной Москве. Кто знает, удастся ли ей ещё раз побывать на папиной могиле...

Эрика поспешно отпила несколько глотков вина. Влад очень удивился — раньше она никогда не вела себя так.

— Мама прекрасно понимает, что путь в Россию ей заказан — слишком могущественные у неё враги. Не хочет, чтобы я осталась круглой сиротой так рано... Бульон с креветками, пожалуйста!

Эрика сказала это низкорослому пронырливому официанту, и тот с поклоном удалился.

— А мне — пива! — крикнул ему вслед Влад Шибаев, заметив, что его чашка пуста. Пить очень хотелось — как никогда раньше. — Сегодня «красный понедельник» — день нашей встречи после долгой разлуки. А ведь были и другие понедельники в нашей жизни...

— Как поживает твоя мама? — перебила его Эрика.

Все собравшиеся давно уже доели суп и принялись за карпа по-харбински; и только две тарелочки ждали Влада с Эрикой на низком деревянном столе.

— Сейчас в Калифорнии бушуют лесные пожары, и я очень боюсь за мать. До последнего времени я радовался, что мы поселились близ Силиконовой долины. А теперь не представляю, чем всё это закончится. Мать после гибели моего отца тяжело заболела. Ты, наверное, знаешь... И тоже очень жалеет, что не может приехать на кладбище. К сожалению, надежд на выздоровление у неё мало. Мать интересуется только одно занятие — изготовление головных уборов для собак и кошек... Благодарю вас! — Влад взял с подноса бокал со слабеньким пивом. — Целыми днями она мастерит чепцы, кепи, шляпки... Всё время, без перерыва. А

если не мастерит, то плачет или спит. У меня билет на послезавтра, и я хочу туда, к ней. Наверное, мать эвакуируют из виллы, окажут помощь. Но, по-моему, ей всё равно. Она без отца жить не может и не хочет. Если бы не эти шляпки, всё уже кончилось бы, наверное...

— Вы скоро встретитесь. — Эрика легко поднялась с циновки. — Влад, мы ведём себя неприлично. Откололись от компании. шепчемся... А суп стынет. Кстати, ты решил учиться на юриста?

— Нет, я поступил в медицинский. Хочу искупить грехи отца, который убивал людей. А я теперь буду их спасать. Два моих брата, старший и младший, умерли от болезней. Феликс, маленький, — от дифтерии, ты знаешь. А Ян... Уже в Калифорнии выяснилось, что у него рак крови. Я думал, что мать не переживёт, но она как-то держится. Говорит, что ради меня. Только ради меня...

— Но ты же знаешь, за что платит ваша семья.

Эрика теперь смотрела холодно, жёстко; и Влад вздрогнул, внезапно всё вспомнив. Он поспешно допил пиво и тоже поднялся. Ему больше не хотелось разговаривать с давней своей подругой. Он жалел, что окликнул её, увидел, узнал. Как часто за эти два с половиной года Влад воображал их встречу! Готовился к ней, придумывал, что скажет, о чём спросит.

А оказалось, что для Эрики важно лишь то, что было между их семьями, а конкретно — их отцами. И признаёт она только прошлое, отрекаясь от настоящего и будущего. Несмотря на жертвы, на искупление, на раскаяние. Эрика не смягчилась. Она ПОМНИТ. И не жалеет никого из семьи Влада, даже его маленького братишку. Не жалеет потому, что у неё тоже когда-то был братик, и звали его Артур.

— А ты что выбрала для себя? — стараясь казаться спокойным, спросил Влад, хотя внутри у него всё дрожало, и праздновать больше не хотелось.

— Я буду юристом. Мама нуждается в квалифицированных кадрах. Её дела должен вести верный человек. Такой, который никогда не предаст.

— Понятно. Предательство — самое страшное зло на свете.

Молодой человек с облегчением вздохнул. Сейчас их закружит в красочном вихре китайская вечеринка, отвлекут от тяжких воспоминаний весёлые пьяные гости, которые ничего не знают о семьях Ходза и Шибаяевых. А потом самолёты унесут их из Москвы — города, где Влад и Эрика любили друг друга. Любили чисто, искренне, по-детски. И где они узнали страшную правду, навсегда разлучившую их. Сейчас они стоят рядом,

плечом к плечу. И в то же время они бесконечно далеки, между ними — бездна.

Гости за столом шумели, позабыв о том, что китайская вечеринка предполагает самосозерцание, задумчивость и философские беседы. Обсуждали новые шмотки, диски, компьютерные «стрелялки» и прочую дребедень вроде специфики разных ночных клубов. Спорили, так ли уж вреден «экстази» для потенции.

А Влад и Эрика стояли в стороне, как молодые старики, и думали совершенно о другом. О том, как болтали когда-то на бесшабашном слэнге, показывали «распальцовки», сидели рядом в гимназии, плавали в бассейне и собирались в будущем пожениться, потому что не могли жить друг без друга.

— Крендели, нам без вас скучно! — громко и разудало заорал будущий дипломат Кирилл Чанаев, хозяин вечеринки.

Он бесцеремонно схватил Влада с Эрикой под руки, потащил их к столу, в беззаботную шумную компанию. Именинник словно стремился увести своих гостей от прошлого, от его кошмаров и озарений, страстей и слёз. Но Кирилл не мог сделать это. Не мог спасти Влада и Эрику от самих себя...

ГЛАВА 1

Солнечным майским днём две тысячи первого года блестящий чёрный джип «Гранд-Чероке-Лимитед» пронёсся по Первой Тверской-Ямской улице, круто завернул у отеля «Москва-Палас» и несколько минут спустя подъехал к недавно отреставрированному элитному дому.

За тонированными стёклами иномарки угадывались два силуэта — водителя и пассажира, плечистого, коротко стриженного мужчины в лёгком летнем плаще. Ткань плаща прекрасно гармонировала с цветом серебристых волос мужчины. Глаза его были такими же блестяще-серыми, строгими, даже злыми. Неприятное впечатление производил оценивающий прищур этого человека; его взгляд словно рассекал собеседника надвое.

«Гранд-Чероке» остановился около широкой бронированной двери подъезда. Водитель тут же спрыгнул на панель, зажмурился от весеннего солнца. В Москве буйствовал май, зелень во дворе распускалась и благоухала. Над крышей джипа от сильного ветра колыхались ветви цветущей черёмухи. Водителю хотелось немного побыть во дворе, покурить, отдохнуть после дальней дороги, но он должен был неукоснительно выполнять свои обязанности.

Хозяин вернулся из зарубежной командировки без охраны, не вызвал ребят и в аэропорт, и потому водителю пришлось изрядно понервничать. Он управлял джипом и одновременно следил за дорогой, но сегодня всё обошлось. В положенное время Игорь Гомозов доставил домой Романа Шибаева, который, едва открылась дверца, пружинисто выскочил из джипа.

— Свободен! — бросил водителю Шибаев.

Гомозову осталось нажать шесть кнопок на щитке и произнести условную фразу в микрофон переговорного устройства.

Лестница дома Шибаева была абсолютно безопасна для «минерального» короля, справедливо опасавшегося за себя и членов семьи. По ступеням хозяин поднимался в гордом одиночестве, и его полуботинки утопали в ворсе ковровой дорожки цвета спелой вишни. Дорожка устилала ступени красивой мраморной лестницы. Шибаев жил в подъезде не один. И все его соседи были людьми не простыми; каждый из них имел собственную охрану.

Роман Александрович, по своему обыкновению игнорируя лифт, покорял один марш за другим. Он знал, что за ним сейчас следят и люди, и приборы, но мало волновался по этому поводу. Чем лучше «шерстят» помещение всевозможные секьюрити и скрытые камеры, тем

меньше вероятность покушения.

С собой у Шibaева был только дорогой изящный кейс, мало подходящий к его мощной фигуре. Все вещи должны были доставить позже, но не на квартиру, а в прачечную и химчистку. Лишь после этого багаж обычно возвращался в квартиру хозяина — жена Романа не занималась стиркой и глажкой.

И сейчас Каролина сидела у туалетного столика, уже в который раз подпиливая и перекрашивая холёные длинные ногти. Ими наряду со всеми другими своими прелестями Каролина очень гордилась, потому что все остальные дамы из тусовки носили или накладные, или искусственно наращённые.

Шibaев достал ключ, хотя мог бы и позвонить. Он знал, что в столовой, как и во всей квартире, царит идеальный порядок; разумеется, наведённый силами уборщицы и горничной. На старинном овальном столе — безукоризненная сервировка, и посередине, в высокой вазе, красуется букет любимых, чайных, с красными прожилками, роз. Свечей нет, на дворе день, а ужинать они с Каролиной будут не вдвоём.

Вместе с родителями возвращение «минерального» короля из командировки будет отмечать младший сын Владислав. Старший, Ян, сейчас должен быть в офисе — во время отсутствия

хозяина он заправлял делами, привыкая к роли главы империи.

Несмотря на то, что Роман отпирал замки тихо, в просторный холл тут же выбежала высокая худая блондинка в замшевых брюках, такой же жилетке и шёлковой чёрной блузе. Даже дома Каролина ходила в модельных туфлях, и её высокие тонкие каблуки громко стучали по натёртым до блеска квадратам дубового паркета. Собачьего лая хозяин не слышал — значит. Их бульмастиф Вавила сейчас резвился на даче.

— Наконец-то!

Каролина, ослепительно улыбаясь, не забыв поправить пышные волосы, волнами спадающие на плечи, поцеловала мужа в губы — жеманно и в то же время страстно.

Шибает ответил ей торопливо, думая о своём. Но всё же нащупал во внутреннем кармане плаща коробочку со старинными подвесками, сделанными, как сказали в антикварном салоне, ещё в восемнадцатом веке. Каролина уже несколько лет коллекционировала дорогие безделушки.

— Привет! — Хозяин цепким взглядом окинул прихожую, задержался на дверях с ярко начищенными ручками. — Всё в порядке?

— Всё нормально, папочка. Давай-ка быстренько раздевайся, умывайся... Устал? Наверное, опять много курил и не спал по ночам?

— Грешен, мать, курил много. И подремать удалось только в самолёте. Вот, держи, как обещал. Ян не звонил сегодня? Не собирался пораньше приехать?

— Конечно, папочка, звонил! Сказал, что, если получится, часиков в пять будет дома. Милый. Ты — чудо!

Каролина Стрижак, как девочка, радовалась подаркам. И сейчас она повисла на шее мужа, поджав ноги, целуя его в обе щеки. Несколькими месяцами ранее, увидев в каталоге эти подвески, она загорелась желанием получить их. И Шибаеву ничего не оставалось делать, кроме как отправляться на поиски подвесок сразу же после прибытия в Лондон.

Сдержанный и суровый в отношениях с людьми, Роман откровенно баловал красавицу-жену; старался при каждом удобном случае показать ей свою любовь. И чаще всего делал это посредством дорогих и супердорогих презентов. Сыпать комплиментами он не хотел, считая, что они вовсе ничего не стоят, если не подкреплены материально. Телячьи нежности и пустой трёп Шибаев называл уделом голодранцев, которым больше нечего предложить предмету страсти.

Глядя на весело смеющуюся Каролину, Шибаев добрел, уверял себя в том, что приносит

супруге не только горе и тревоги. Надо же, никогда не скажешь, что этой вечно юной женщине уже сорок два, и она родила трёх сыновей!..

Каролина не только коллекционировала старинные драгоценности. Сейчас на её тонких пальцах сверкали два массивных перстня, а шею украшало тончайшее бриллиантовое кольцо.

— Влад дома?

Роман снял плащ, двубортный пиджак, заодно скинул и галстук. Каролина приняла всё это, улыбаясь и смаргивая с длинных густых ресниц набежавшие слёзы.

— А как же! Мы оба тебя ждём. Давай скорее в ванную, а потом — за стол! — торопила Каролина. — Или ты хочешь принять душ с дороги? Я уже и халат приготовила, и полотенце...

— Нет, душ попозже. А мне бы чашку кофе. Кстати, если Влад дома, почему он меня не встречает? — слегка уязвлённый Шибаев отстегнул запонки и закатал рукава. — Я ему, между прочим, тоже подарки привёз. «Битлов» его любимых, прямо из Лондона, эксклюзивный диск. У нас таких не выпускали. И другие записи, которые он просил. У него в гимназии всё нормально? Не жаловался?

— В гимназии — нормально, — медленно ответила Каролина.

Она кусала губы, раздумывая, стоит ли «грузить» и без того усталого мужа проблемами

младшего сына. Но, в то же время, она знала, что хозяин желает знать всё и обо всех в этом доме.

— Наверное, он опять по «мобиле» с Эрикой болтает. Совсем голову потерял! Первая любовь, сам понимаешь. Я препятствовать не могу. Дети в таком возрасте частенько забывают о родителях, особенно когда общаются с кумиром. А Эрика — девочка неординарная, и я ещё не решила, как к ней относиться. С одной стороны, лучшей невесты Владику не найти. А с другой — что-то в Эрике меня настораживает, даже пугает. Может быть, виновата репутация её матери...

— Значит, сделаем так!

Хозяин даже дома говорил властно, отрывисто, будто отдавал приказы, не подлежащие обсуждению.

— Обедать будем через час, а пока я немного освежусь. Кофе мне сварю, любимый. И позови Влада в кабинет. Надо его приучать хотя бы соблюдать приличия, а то потом поздно будет. — И, заметив, что Каролина встревожилась, добавил: — Ничего страшного. Мужской разговор, как положено.

— Конечно, папулечка, я мешать не стану. Сейчас всё сделаю.

Каролина ещё раз чмокнула мужа в щёку и упорхнула на кухню. Любимый кофе «Эспрессо» она варила в джезве из только что смолотых, а

перед тем обжаренных до черноты зёрен. Роман предпочитал сорт «Эспрессо Голд», горький и крепкий, приготовленный из смеси «Арабики» и «Робусты». После этого он мог, пообедав, работать ночь напролёт, а утром, ещё раз приняв душ, сразу же ехать в фирму.

Но на сегодняшнюю ночь Шибаев не планировал никаких мероприятий. С документами, скопившимися за время его отсутствия, он решил разобраться позднее. Наскоро умывшись в просторной ванной комнате с пальмами, зеркальным панно на стене и вместительной угловой «джакузи», он прошёл в кабинет и сел за стол. Всем своим видом Роман давал сыну понять, что разговор будет нелёгкий.

Влад уже ждал его, ссутулившись на кожаном диване под огромным портретом главы семьи. Шибаева написал очень модный и дорогой художник; заказчик остался доволен и повесил портрет в кабинете, отмахнувшись от протестов Каролины. Все, кто приходил по делам или заезжал в гости, от души восхищались великолепной работой и заявляли, что никто не сумел бы лучше передать характер Романа, схватить его суть, проникнуть в душу, выписать черты лица. И даже самый лучший фотоаппарат не смог бы составить конкуренцию гениальному мастеру.

Кофе уже дымился в чашке полупрозрачного

фарфора. В ансамбле с блюдцем чашка напоминала позолоченную кувшинку, плавающую по тёмной глади письменного стола. Но за качество полировки Шibaев был спокоен — Каролина всегда подкладывала под блюдце крохотную салфетку, которая не портила общий вид. Именно для этой цели Каролина связала крючком несколько штук.

Отец с сыном обменялись рукопожатиями, и каждый сел на своё место.

— Здравствуй, пап!

Влад говорил с хрипотцой. Он то срывался на фальцет, то брал низкие ноты. Шibaев, в который раз, подумал, что сын унаследовал его глубокий баритон, но пока придётся потерпеть.

— Как съездил?

— Нормально, сынок. Возьми потом в кейсе свои «компакты».

Роман помешал ложечкой в чашке, хотя сахар Каролина туда не положила. Аромат и вкус кофе должны были сохраняться первозданными, доставлять удовольствие сами по себе.

— Что же ты не вышел сразу? Матери звать тебя пришлось...

— Эрика позвонила. И я не услышал, как ты вошёл. Извини.

Влад застеснялся. И всегда бледное его лицо пошло пятнами. Очки запотели, и прядь блестящих каштановых волос упала на лоб. Кисти рук Влад

зажал между острыми коленями, обтянутыми потёртыми джинсами. Несмотря на богатство отца, Влад Шibaев одевался просто, даже небрежно. И сейчас из расстёгнутого ворота серой рубашки торчала длинная шея, обмотанная какими-то цепочками и верёвочками.

Роман между делом подумал, что в одном из медальонов сын хранит портрет Эрики Ходза. А вообще-то, если бы не сильная близорукость, Влад был бы красивым парнем. У него правильные черты лица, матовая, чистая, несмотря на критический возраст, кожа. Большие, с тяжёлыми веками, глаза цвета вот этого самого кофе — как у Каролины. Пухлые губы, длинные ресницы, высокий лоб... Ничего во Владиславе не изменилось, и в то же время Роман видел — сын стал совершенно другим. Ах, да — влюбился!

— Извиняю, — бросил Шibaев, хмурясь и думая о том, как помощью немногих слов объяснить сыну суть непростого дела.

Чувства Влада его несколько не волновали, Все в этом доме должны были подчиняться воле хозяина. Роман знал одно — жена и оба сына всецело зависят от него. Любая перемена, произошедшая в жизни Романа Шibaева, сразу же отразится на благополучии семьи, которую сейчас спасает от невзгод мощная стена.

Дай она трещину, получи пробоину, обрушья

— и для Каролины, Яна, Влада настанут плохие времена. И вот для того, что не огорчать отца, не выбивать его из рабочего состояния, не отвлекать на всякую чепуху, Влад обязан выполнить самый жестокий приказ.

— Я как раз хочу поговорить с тобой об этой твоей «ватрушке», то есть о подружке или как она там у вас называется. Гёрл-френд, что ли?

— Эрика — не «ватрушка» и не гёрл-френд. Мы друзья, — поправил отца Влад, и Роман увидел, как он напрягся.

Парень сидел неподвижно, а Роману почему-то казалось, что он бегает по кабинету, спотыкается, мечется из угла в угол. Руки сына ещё сильнее сжались на коленях, и губы задрожали.

— Ах, друзья! — издевательски-ласково протянул Роман. — Так вот, сынок, что я тебе скажу... Слушай внимательно и запоминай с первого раза. Ты не тупой, поэтому повторять не стану. Пока что ты самостоятельно существовать не можешь, а, значит, не имеешь права нарушать мои планы. Друзей для тебя выбирать я не намерен, но в этом случае вмешаюсь. С одной только целью — чтобы ты не навредил сам себе. Короче, ты должен порвать все отношения с Эрикой.

— Я... не врубаюсь!

Влад привстал на диване, но тут же сел обратно. Ему показалось, что зрачки отца, больно

уколов, оттолкнули его назад, хотя на самом деле Роман лишь сильнее прищурился.

— Порвать с Эрикой? Но почему? Чем она тебе помешала?..

— Как её фамилия? — отрывисто спросил Шibaев, и Влад немного приободрился.

Может быть, отец на кого-то другого подумал, потому и взбесился? Рука, стиснувшая горло мальчика, немного ослабила хватку.

— Ходза. Эрика Ходза. Мы в одном классе учимся. Мама знает...

— Вот именно — Эрика Ходза.

Шibaев раздражённо отпил глоток кофе и не ощутил вообще никакого вкуса. Все чувства в нём умерли. Осталось только одно желание — вдолбить непонятливому сыну в башку то, что самому Роману казалось очевидным.

— Ты знаешь, кто её мать?

— Да, это все знают, — пожал плечами Влад.

Он снова погрузился, сообразив, что отец не ошибся, и гнев его направлен именно против Эрики.

— И кто же? — подозрительно осведомился Шibaев, берясь за чашку.

— Богатейшая бизнес-вумен. Насколько я знаю, она торгует компьютерами, программами, оргтехникой, аппаратурой, средствами связи. Имеет акции прибыльных компаний и крупных банков. У

них с Эрикой масса недвижимости в Москве и за рубежом. Класная семья, пап! Я не знаю, что в ней может не устраивать. Для любого дружить с такой девчонкой — главная мечта в жизни...

— Для любого? — тихо, но яростно перебил Шибаев. — Нет, сынок, не для любого. Для тебя, к примеру, это может плохо кончиться. До тебя доходили слухи о том, что Дарью Юрьевну Ходза называют «Чёрной Вдовой»? Нет? Так знай, дурилка, что клички даром не дают. Эта бизнес-вумен теснейшим образом связана с бандитами, пусть и респектабельными. С криминальным миром Москвы, в котором вращается ещё со времён первоначального накопления капитала. Капитал свой она унаследовала от мужа, который в итоге чем-то не угодил своим поделщикам и был ликвидирован. Кроме того, во время октябрьских событий девяносто третьего года он перешёл на сторону Верховного Совета, материально помогал путчистам. Такой он своим друзьям был не нужен. «Дуче», как его называли, стал смертельно опасен. После него остались деньги и связи, и Дарья впоследствии их преумножила. Наряду с криминалитетом она взяла в союзники чиновников на всех этажах городской и российской власти. Всей своей жизнью, всей деятельностью она мстит человечеству. «Чёрная Вдова» ведёт бизнес так

умело и тонко, что к ней до сих пор никто не подкопался. А в натуре её бизнес стоит на костях и крови. Ты этого не знал? Ты считал, что такие возможности получают по-честному? Что выпускница истфака МГУ может ворочать делами, в которых никогда ничего не понимала, и ни разу не оступиться?

— Да нет, я не думал.

Влад то и дело глотал слюну, облизывал пересыхающие губы и не мог найти слова, которые смягчили бы отца, заставили его вспомнить не только о собственных проблемах. Да, предок привык заводить друзей и расставаться с ними исходя только из интересов дела, и сыновей хочет приучить поступать точно так же.

Двадцатитрёхлетний Ян совершенно втянулся в эту жизнь. Стал роботом, машиной, всецело подчинённой отцу. Но Влад желал оставаться самим собой. Он согласился не водить в гости пацанов с улицы, много не болтал о том, что происходило дома. Не пил, не курил, не кололся, и в рестораны ездил только с родителями. Но почему он должен вот так, без оснований, пойти на разрыв с Эрикой? Как объяснить, если она спросит?

С Эрикой интересно, она и внешне очень привлекательна. Яркая, эффектная, всегда стильно одетая. Без комплексов, и при этом держит себя в руках; не ходит, с кем попало. Кажется, у неё в

четырнадцать лет ещё никого не было. Невероятно, но у него, Влада появился уникальный шанс стать первым. Но это потом, а пока мальчик не думал о сексе. Вокруг него увивались разные девчонки — красотки, хэви-металлистки, зацикленные на учёбе отличницы, больше похожие на парней спортсменки. Но Эрика оставалась для него единственной — навсегда.

Она не просто нравилась Владу. Её хотелось видеть как можно чаще. С ней тянуло поделиться радостями и бедами, кое в чём даже взять с неё пример. Многие в их классе — кто по своей инициативе, кто по наущению родителей, искали дружбы с Эрикой Ходза, но та вежливо отвергала все притязания. Девочка прекрасно понимала, из-за чего к её персоне возникает повышенный интерес.

Она открыто предпочитала Влада Шибаева, и пара-тройка одноклассников принялась ему угрожать, требуя добровольно отказаться от Эрики. Теперь эти парни очень обрадуются, потому что с предком не поспоришь. Ещё подумают, что Влад их испугался, и примутся прессовать его по полной программе...

— Ты от девчонки никогда не слышал о проделках её мамы? Она что, совсем дура?! — грубо спросил Шибаев, до хруста сжимая кулаки на столе. — «Чёрная Вдова» вычислила заказчиков убийства мужа и немедленно их уничтожила.

Взрывала в машинах и в магазинах, травила, переезжала самосвалами. Одному вместо шампуня налила во флакон фтористоводородную кислоту. И не жалела при этом ни жён, ни детей, если те оказывались рядом. Всегда говорила, что её младенца не пожалели. До сих пор она действует вероломно, жестоко, цинично. Подводит неугодных под статьи. Вынуждает свернуть бизнес, сталкивает с рэкетирами. Не все выдерживают такой прессинг, и многие сводят счёты с жизнью. Для достижения своих целей Дарья Ходза пользуется всякими средствами — не буду перечислять, какими именно. И знаешь, что даёт ей силы? После того, как погибли её муж и сын, а последнего пуля зацепила случайно, Дарья хотела кончать с собой, но пистолет жал осечку. И в этом событии мать твоей подружки усмотрела волю Провидения. Смыслом её жизни стало возмездие. А у меня с ней в последнее время возник базар. Ты хочешь, чтобы твоего отца замочили? Мать может подослать дочку к тебе и действовать через неё. Я не желаю, чтобы члены этой семьи входили в мой дом.

— Пап, да ты чего?.. — испугался Влад. — У тебя — вода, у неё — компьютеры... — Сын снял очки и сжал их в кулаке. Отец усмехнулся. — Она замочит тебя? Подослала ко мне Эрику?..

— Вполне вероятно, что замочат не только меня, но и тебя, сынок, — чётко произнёс Роман. —

Ты — моя кровь, и этим всё сказано. В наших делах ты всё равно ничего не поймёшь, но в твоих силах совладать с эмоциями. Ты — мужик, и нечего разводить сопли. Я вижу в дочери «Чёрной Вдовы» угрозу для всей семьи Шибаевых! Понятно? Я запрещаю тебе видеться с этой девкой хоть здесь, хоть на даче, хоть в гимназии. Пока ты общаешься с ней, я ни секунды не буду спокоен. Отец не пожелает тебе зла, сынок.

Роман достал портсигар, коробку кедровых спичек. Высек язычок пламени и долго, тщательно зажигал толстую сигару с золотым обрезом.

— А ты, надеюсь, не желаешь гибели мне. Всё это пустое — любовь до гроба, предательство, измены, муки совести. Все мы постоянно клянёмся в верности, а жизнь заставляет нас забывать клятвы. Говоришь, вы только дружили? Друзья могут поссориться. Мне всё равно, какой именно предлог ты выберешь. Сумеешь показать характер — и ладно. А я переведу тебя в другую школу. В «Петровскую», например. Оттуда легче попасть на учёбу за границу. На днях я улетаю в Стокгольм, вернусь в воскресенье; тогда и займусь твоим образованием. Но лучше закончить этот учебный год.

— Пап, но я не могу вот так, сразу... Ладно. Я не буду приглашать Эрику домой, если это опасно. Но я ведь гадом перед ней буду!..

— Самое страшное — стать гадом для своей семьи, сынок. Хватит того, что ты потерял маленького брата, а я — сына, нашего Феликса. Более ни одной потери я не допущу. Ты вправе полюбить другую. Скажи Эрике, что именно так и случилось. В юности раны, в том числе и душевные, заживают быстрее.

Роман сильно затянулся, выдохнул чуть-чуть дыма и ткнул сигарой в пепельницу.

— Я всё сказал, Владислав. Учись поступать так, как того требуют интересы дела, иначе ты не преуспеешь в жизни. Тебя ещё не поздно воспитывать, и ты сам должен воспитывать себя. Это тебе сейчас кажется, что никаких баб и девчонок в твоей жизни больше не будет. На самом деле ты поимеешь их десятки. И нельзя вынужденный или добровольный разрыв с каждой превращать в трагедию. Знай только, что Эрика — член враждебной нам семьи. Я раньше не говорил об этом, но сегодня решил приоткрыть тебе глаза. И если узнаю, что ты тайком продолжаешь отношения с ней, найду способ тебя изолировать. Ты будешь учиться там, где я захочу. И последнее... — Роман встал, вышел из-за стола, взял сына за плечи и поставил перед собой. — Будь ты постарше, я женил бы тебя немедленно. Но пока... рвать нужно сразу и навсегда. Она должна понять, что надежды на возобновление вашей дружбы нет и быть не

может. И «Чёрная Вдова» вынуждена будет смириться со своим поражением. Можешь сказать больным, несколько дней не ходить в гимназию. Подумай на досуге о жизни. Иди!

Шibaев подтолкнул сына к двери. Влад немедленно вышел, так как понимал — возражать отцу бесполезно. Неоднократно раненный и контуженный в Афганистане, бывший спецназовец был страшен в ярости. Меньше всего Владу хотелось слышать жуткий хриплый голос, видеть налитые кровью глаза, которые, казалось, могли вот-вот лопнуть. А потом придётся вызывать врачей не только к отцу, но и к маме. Ругать самого себя за то, что довёл их до такого состояния. Целую ночь не спать, а утром ехать на уроки...

Мальчик сделал вид, что подчинился, и на ватных ногах пошёл по длинному коридору огромной квартиры. Он начисто позабыл о компакт-дисках, о которых мечтал столько времени; ведь их нельзя будет завтра утром показать Эрике. Вместо этого придётся объяснять, что между ними всё конечно. Скрывать что-либо бессмысленно — охранники доложат отцу, и тот действительно уйдёт в другую школу. Может даже насильно выпихнуть за границу и долго не разрешать вернуться. А так хоть можно будет каждый день видеть Эрику время от времени перебрасываться с ней фразами — запретить

одноклассникам общаться никто не может.

А когда-нибудь этот базар кончится, и можно будет возобновить отношения. За Дарью Ходза никто поручиться не может. Раз отец говорит об угрозах с её стороны, значит, у него есть основания. Эрика не раз жаловалась, что нервы у матери стали совсем никудышные. И уже давно, с тех пор, как были застрелены прямо у дверей квартиры её муж Андрей и маленький сын Артур, сидевший в тот момент на руках отца, Дарья периодически лечилась в психиатрической. Даже в этом Влад с Эрикой были схожи — оба потеряли младших братьев, и каждому в тот момент было по одиннадцать месяцев.

Влад на цыпочках подошёл к встроенному шкафу и достал куртку. Хотел, пока отец в кабинете, немедленно бежать к Эрике, потому что не было сил ждать до понедельника. Но мать, поглаживая сидящую на пуфике розовую кошку породы скоттиш-фолд, болтала с кем-то по «трубе», и поэтому сразу заметила Влада. Другая кошка, голубая, скоттиш-страйт, тёрлась об её ноги. Эта порода славилась висячими ушами, толстыми щёками и плюшевыми шубками.

— Ты куда, Владик? — всполошилась Каролина. — Мы же сейчас обедать будем! Скоро Ян придёт, сейчас из машины позвонил. Ну-ка, не капризничай, бросай всё — и за стол! Папа приехал,

а ты сразу из дома бежишь!.. В такой день, как сегодня, нужно отложить все дела.

— Хорошо, мам. Отложу. — Влад нехотя повесил куртку обратно.

Так же как и Роман, он старался ни при каких обстоятельствах не расстраивать Каролину, подверженную частым нервным срывам. Несмотря на безоблачную, с точки зрения многих, жизнь, она готова была в любой момент расплакаться, а смех её часто напоминал истерический припадок.

Мать внимательно смотрела на сына, но ни о чём его не спрашивала, а тот не спешил поделиться своей болью.

Влад открыл отцовский кейс, достал футляры с компакт-дисками. При этом он не испытывал ни радости, ни волнения, ни печали, ни даже злости. Все чувства будто умерли в нём. Мальчик старался не думать о том, как завтра в гимназии встретиться с Эрикой Ходза.

Скорее всего, кормилец прав. Отношения нужно на время прервать, но перед этим всё обстоятельно объяснить подруге. Эра должна понять, что Влад любит её. Но отца, мать и брата он любит ещё больше. Эра поймёт, потому что тоже очень дорожит своей матерью, и точно так же послушалась бы её. Может быть, своей дочери «Чёрная Вдова» скажет, какого рода базар вышел у неё с Романом Шибяевым...

Раньше Влад сразу же вставил бы «компакты» в проигрыватель; сейчас же он положил футляры на журнальный столик и тут же о них позабыл. В дверь позвонили залиистой трелью — так делал старший брат, возвращаясь домой в хорошем настроении. Влад хотел выйти в прихожую навстречу Яну, но почувствовал, что не может видеть отца, который обязательно будет там.

Усевшись на своё широченное ложе с подушками и множеством раздвижных креслиц, столиков и ящичков для белья, мальчик стиснул пылающий лоб ледяными руками. Лицо его перекосилось от внезапной головной боли. Когда приступ отпустил, Влад облегчённо вздохнул. И подумал, что, похоже, притворяться ему не придётся; он действительно заболел.

ГЛАВА 2

Эрика еле дождалась, когда охранник уйдёт на прогулку с двумя догами, и горько расплакалась. Она сама удивилась, пытаясь понять, почему ей так больно, так горько на душе. Ей было обидно и страшно. В груди жгло, горло сжимали спазмы, и хотелось биться головой о стену, кататься по ковру, хватать вещи и швырять их на пол. Но приходилось сдерживаться — ведь убранство квартиры стоило слишком дорого. Безделушек Дарья Юрьевна не

признавала. Пальцем ни к чему нельзя было прикоснуться в этом доме, не говоря уже о том, чтобы бить чашки и тарелки. А Эрике так хотелось реветь в голос, как маленькой, топтать ногами и требовать вернуть Влада.

Эрика не отдавала себе отчёта в том, что Шибаев-младший никогда не принадлежал к элите их класса. В гимназии простые не учились, у каждого были «крутые» родители и несколько «тачек» в подземном гараже; Влад ничем из них не выделался. Наоборот, он казался скучным «ботаником» — скромным, простым, покладистым. С ним можно было говорить о многом, а не только о том, что в нынешнем сезоне модно носить и где престижно проводить уик-энд. У других девчонок от одного вида Шибаева сводило в зевоте скулы, а Эрике он нравился.

Да и сама она слыла не совсем нормальной; но ей, как дочке «Чёрной Вдовы», всё прощалось. И сейчас стоит свистнуть — разом найдётся целый взвод желающих занять место Влада. Но Эрика понимала, что этого друга ей никто не заменит, и она сама бросит любого через день. Ничего сверх того, что Эрика имела в родительском доме, «продвинутые» мальчики ей не дадут, а интересно провести время в их обществе невозможно. Кабак, дорогой кабак, сверхдорогой кабак — вот и всё, что есть в их жизни.

Всхлипывая, Эрика думала о том, что «перцы» недооценивают «ватрушек», считая, будто они все одинаковые, и любую можно после «дозы» трахнуть. У них только одно на уме, а вот Влад Шибаев никогда руки не распускал и пошлости не говорил...

— И что его череп жопу морщит? Невесту ему за границей нашёл? — шептала Эрика, позабыв о своём изысканном воспитании. — Влад говорил, что он в воскресенье из Англии вернулся. И вдруг... Понятно, что я здесь лишняя. Неизвестно, какое в той семье состояние. Я-то всегда боялась, что маме Влад покажется недостаточно перспективным. А отвергли меня! Только бы мама не узнала до отъезда в Париж! Она с ума сойдёт, будет страдать всю неделю. Потом, всё потом, когда вернётся...

Эрика сидела на разноцветном диване, обхватив руками колени, и краем глаза смотрела на своё отражение в зеркальной стене. До сегодняшнего дня она и мысли не допускала, что может быть отвергнута, пусть под нажимом предка. И что занюханый очкарик откажется встречаться с ней, первой девчонкой в их гимназии! Всеобщие лесть и поклонение раздували самолюбие симпатичной кокетки, как суховой — лесной пожар. А теперь стало постепенно приходить осознание горькой жизненной правды.

Да, Эра могла когда-нибудь разлюбить Влада; и Влад имел право переключиться на более простую девчонку. С Эрой не так-то просто общаться и постоянно ей соответствовать. Разумеется, «Чёрная Вдова» имела возможность в любой момент запретить дочери таскаться с сыном Шибаева. Бизнес и капитал последнего был малоинтересен для семьи Ходза в плане укрепления положения в обществе и пополнения банковских счетов. Но то, что Роман Шибаев походя запретил сыну даже разговаривать с Эрикой Ходза, как если бы Влад связался с пэтэушницей или танцовщицей из стриптиза, медленно сводила девочку с ума.

И мать, если узнает, может отреагировать очень бурно. Да как он посмел, сучий потрох?! Как пасть свою раскрыл для этих паскудных слов?.. Мать страшна в такие минуты. Глаза её делаются стеклянными, лицо каменеет. Она способна отдать самый дикий приказ во время припадка; главное для Дарьи Ходза — восстановить поруганную честь семьи. Нет уж, пусть лучше мама едет в Париж спокойная, ни о чём не подозревающая.

Нужно только осторожненько узнать, действительно ли у неё с Шибаевым базар, или тот всё придумал, чтобы выглядеть обиженным. На маму валят все пакости, которые творятся в деловом мире Москвы. Скажи, что «Чёрная Вдова» пьёт человеческую кровь — и все поверят. На

самом же деле она мстит определённым лицам за конкретные прегрешения. Но обывателям нравится, когда можно обвинить в своих несчастьях настоящую ведьму, колдунью, вампиршу.

Происками могущественной тёмной силы можно объяснить и оправдать собственные промахи. О ней интересно болтать на тусовках, щебетать в роскошных офисах, чувствуя, как холодок бежит по спине. А ведь мама — просто несчастный человек, лишившийся одновременно мужа и сына. В конце концов, Каролина Вацлавна могла бы её понять — сама потеряла малютку Феликса. Но тот умер от болезни, его никто не убивал; и это уже легче...

Они с Владом прогуливались в аква-парке гимназии, а в бассейн сегодня не пошли; после такого разговора обоих знобило. Перед тем, как их под охраной развели по домам, Шибаев кивнул ей и глазами показал в сторону аква-парка.

Там гимназисты частенько расслаблялись после напряжённых занятий. Им приходилось осваивать по три языка, причём английский изучали с первого класса. Кроме того, ребята подолгу засиживались за компьютерами, и потому в гимназии существовала тщательно придуманная индустрия развлечений; работала первоклассная служба.

Бывало, что Эрика и Влад проводили в

гимназии вечера, там же делали уроки — такое правило существовало во всех частных школах. Родители не должны были вмешиваться в процесс приготовления домашних заданий, и потому уроков в привычном смысле слова просто не существовало. В свои квартиры гимназисты приезжали только для того, чтобы отдохнуть от учёбы и занятий спортом.

Владик Шibaев несколько чопорно выглядел в чёрной «тройке» от кутюр, но именно этот костюм выбрал для него отец. На Эрике тоже была «тройка», только с юбкой и тёмно-зелёного цвета. В отличие от Влада, Эрика не носила на шее связку всевозможных украшений и амулетов, а довольствовалась почти незаметной платиновой цепочкой.

На цепочке висел крошечный, тоже платиновый, Лев, и украшение все считали серебряным. На правом запястье Эрика носила такой же неброский, но очень дорогой браслет. Третий предмет гарнитура — колечко с головой Кота, символом года рождения — украшал её тонкий остренький пальчик. На первый взгляд, у этих детей не было причины испытывать отвращение к жизни, но на самом деле разговор в аква-парке уничтожил обоих.

— Что делать будем?

Шibaев, сбивчиво передав Эрике слова отца, присел на декоративную скамейку из ракушечника.

Девочка опустилась рядом с ним — безвольная, потрясённая. Тогда она ещё ничего не понимала, вернее, не хотела понимать, и с надеждой смотрела на Влада.

А он, в свою очередь, не мог оторвать взгляда от внезапно похудевшего лица Эрики и думал — до чего же мила! Особенно сейчас, когда её глаза сделались ещё чернее и больше, а крупные кольца каштановых волос прилипли к вспотевшему лбу. Эрика часто бывала печальной и задумчивой, но сейчас она словно сошла со старинного портрета.

— Давай пока не встречаться. — Девочка наконец-то овладела собой. — Я не в теме, что у твоего отца с моей мамой произошло. Лично мне она ничего такого не говорила, но тебе-то зачем проблемы? Забей на всё, Владик...

Шibaев не ожидал, что Эрика так легко согласится прервать их отношения и примирится с неизбежным. Всю ночь он думал, какие слова сказать, какие привести доводы, чтобы Эра всё поняла, не подумала про него ничего плохого. Влад воображал, что подружка будет плакать, а она просто остолбенела, и реветь хотелось ему самому.

— Получается, что я тебя предал...

— Ничего не получается!

Эрика старалась говорить бодро, весело, и это у неё даже получилось. Понедельник для них и впрямь выдался тяжёлый, и радовало только одно.

Завтра — укороченный день, девятого мая в гимназии нет занятий. Можно будет на досуге подумать, прикинуть, как дальше жить друг без друга.

— Важно, что ты любишь меня, хочешь быть со мной. Мозги тебе череп не пересадит. Наоборот, если чувства сильные, запреты их только разожгут!

Эрика говорила, как всегда, слегка напыщенно и витиевато. Стил ь её речи часто смешил гимназистов, которые изъяснялись, будто торговцы с рынка в Лужниках. А педагогов, отвыкших от чистоты и гармонии, Эрика, напротив, восхищала.

— Знай только одно — моя мама меня к тебе не подсылала, папиной памятью клянусь! Она, кажется, вообще ничего о тебе не знает. Ваша семья ей безразлична.

— Серьёзно?! — Влад на секунду вспыхнул радостью, но тут же вновь приуныл. — Но почему же батя так решил-то?! Если мне наврал, значит, другое что-то... Но что?! Чем ты ему не угодила?!

— Без понятия!

Эрика заметила в воротах аква-парка двух своих охранников. Ребята приехали за ней в гимназию, как это случалось каждый день. Девочка поднялась со скамейки и хлопнула Влада по плечу.

— Честно, не знаю. Но сегодня же спрошу у мамы. А пока давай разбежимся. Не хочу осложнять твою жизнь. Твой отец больной, с ним

связываться страшно...

Эрика плакала несколько часов подряд, а потом вытерла слёзы. Она точно знала, когда мать вернётся из офиса; Дарья позвонила дочери на мобильный и предупредила, что немного задержится. А пока Эрика, лёжа на диване, гладила и трепала мурлыкающего кота. Медноглазый «перс» Крис был уже старый и больной, но всё же пришёл к маленькой хозяйке, чтобы утешить её.

Семь с половиной лет назад, кошмарным осенним вечером, когда погиб отец Эрики, и шальной пулей был убит грудной братишка, сама девочка осталась в живых лишь благодаря этому коту. Крис в суматохе забрался под диван, и его нужно было непременно оттуда вытащить. Семья Андрея Ходза в спешном порядке покидала кунцевскую квартиру, потому что главу семьи предупредили по телефону об опасности. Он точно знал, что расправа назначена на вечер, и старался спасти жену с детьми, вывезти их из Москвы.

Но, видимо, информатора ввели в заблуждение, и убийца прибыл много раньше назначенного времени. Окажись Эрика тогда на лестничной площадке, её пристрелили бы тоже. Но из-за Криса они с матерью задержались в квартире и остались жить.

И вот уже восьмой год Криса в семье почитали, как кошку в Древнем Египте. Дарья

Юрьевна твердила, что не представляет своей жизни без легендарного кота. Можно завести другого такого же и назвать его Крисом, но это будет лишь видимость, иллюзия. Мать с дочерью не жалели денег на дорогих ветеринаров, при малейшем недомогании везли зверя на осмотр и лечение, стараясь максимально продлить срок его пребывания на земле. Сейчас коту шёл двенадцатый год, а тогда ему было три. И на три же года Крис был моложе самой Эрики.

Постепенно девочка успокоилась, согрелась под пледом и почувствовала, что нервный озноб отступает под напором живительного тепла. Кот опять спас её, и отступили куда-то вдаль мучения, связанные с сегодняшним горестным событием. Но вместо аква-парка гимназии перед мысленным взором возникла лестничная площадка, цветы в луже крови; мать, стонущая, как раненое животное. Дарья, стоя на коленях над телами мужа и сына, раскачивалась из стороны в сторону. А Эрика прижимала к себе этого вот кота, исподлобья глядя на неё, на собравшихся людей. До девочки ещё не дошло, что отца и брата больше нет.

Гораздо лучше она осознала это после, потому что вся дальнейшая жизнь прошла в трауре и в воспоминаниях. Мать могла говорить об отце часами, и, кажется, любила его всё сильнее, а не наоборот, как другие вдовы. Фотографии,

видеокассеты, вещи, письма, даже деловые бумаги Андрея Ходза были предметом поклонения. И Дарья при этом не играла на публику. Она действительно не могла вести себя иначе, носить одежду не чёрного цвета.

Женщина гордилась своей пугающей кличкой. Сама частенько называла себя «Чёрной Вдовой», и собиралась оставаться ею всю жизнь. Когда Эрика поинтересовалась, за что же конкретно убили отца, мать пообещала объяснить всё после. Пока девочка удовлетворялась обычной формулировкой — «криминальные разборки», но ей казалось, что мать умалчивает о чём-то самом главном. Впрочем, за что убили, не имело значения. Это её, Эрики, отец и братишка, и она должна всё время помнить о них. Не только должна, но и не может иначе. Почему-то именно сейчас, в минуту отчаяния, пронзительно и в то же время сладко защемило сердце...

Будь жив Андрей Ходза, как бы он отреагировал на размолвку дочери с Владом Шibaевым? Махнул небрежно рукой или всё же поговорил бы с Эрикой, посоветовал что-то? Наверное, Шibaев-старший не осмелился бы так вести себя. Вдова, пусть и Чёрная, всегда кажется беззащитной. И никогда в жизни Эрике ещё так не хотелось ощутить на своём плече отцовскую руку, услышать его голос, знакомый по записям на видеокассетах, которые они с матерью